

Евгений Чарушин

Рассказы о природе

Как мальчик Женя научился говорить букву «р»

Мальчик Женя не умел говорить букву «р».

Ему говорят:

— Ну-ка, Женя, скажи: «пароход».

А он говорит: «палоход».

— Скажи: «таракан».

А Женя говорит: «талакан».

— Скажи: «рыба».

А он говорит: «лыба».

Все ребята во дворе над ним смеялись.

Вот Женя однажды играл с ребятами, сказал тоже что-то неправильное.

И ребята стали его дразнить.

Тогда Женя обиделся и залез на крышу.

Там на дворе стоял маленький домик, невысокая баня. Лежит Женя на банной крыше и тихонько плачет.

Вдруг на забор прилетела ворона и здорово так каркнула:

— Крррааа!..

Женя тоже каркнул - только получилось: «клллааа».

А ворона посмотрела на него, наклонила набок голову, прищёлкнула клювом и давай выговаривать на разные лады:

— Карррр, краа, крррр, ррра, ррра.

У Жени получается: «клавла, кллл, клклкл».

Полчаса кричал Женя по-вороньи, язык во рту в разные места ставил и дул изо всех сил.

У него и язык устал, и губы распухли. И вдруг так хорошо у него получилось.

— Кррррррррраааа!

Так хорошо «ррр» получается, словно куча камней по камушкам в разные стороны раскатывается: «рррррр».

Обрадовался Женя и полез с крыши.

Торопится, лезет и всё время каркает, чтобы не забыть, как «р»

выговаривается.

Лез, лез и свалился с крыши, да крыша-то банная, баня невысокая, и в куст смородины он упал - не ушибся.

Встал Женя, побежал к ребятам, смеётся, радуется и кричит:

— Я «рры» научился говорить!

— А ну, - говорят ребята, - скажи нам что-нибудь.

Женя думал, думал и сказал:

— Паверrrrrrrrr.

Это Женя хотел сказать «Павел», да спутал.

Вот как обрадовался!

Что за зверь?

Выпал первый снег, и всё кругом стало белым. Деревья белые, земля белая, и крыши, и крыльцо, и ступеньки на крыльце - всё покрылось снегом.

Девочке Кате захотелось по снежку погулять. Вот она вышла на крыльцо, хочет по ступенькам спуститься в сад и вдруг видит: на крыльце в снегу какие-то ямки. Какой-то зверёк ходил по снегу. И по ступенькам следы, и на крыльце следы, и в саду следы.

«Вот интересно-то! - подумала девочка Катя. - Что за зверёк тут ходил? Это надо узнать».

Взяла Катя котлетку, положила её на крыльцо и убежала.

День прошёл, ночь прошла. Настало утро. Проснулась Катя и скорей на крыльцо - посмотреть, съел ли зверёк её котлетку. Смотрит - котлетка цела! Где её положила, тут она и лежит. А следов ещё больше. Значит, зверёк снова приходил.

Тогда убрала Катя котлетку, а положила вместо неё косточку из супа.

Утром опять бежит Катя на крыльцо. Смотрит - косточку зверёк тоже не трогал. Так что же это за зверёк такой? И косточек не ест.

Тогда положила Катя вместо косточки красную морковку. Утром глядит - морковки нет. Зверёк приходил и всю морковку съел!

Тогда Катин папа сделал западню. Опрокинул на крыльце ящик кверху дном, подпёр его лучинкой, а к лучинке привязал бечёвкой морковь.

Если морковку дёрнуть, лучинка отскочит, ящик упадёт и накроет

зверька.

На следующий день и папа пошёл, и мама, и даже бабушка пошла смотреть, не попался ли зверь в западню. А Катя впереди всех.

Есть в западне зверь! Прихлопнул кого-то ящик, упал с подставки! Заглянула Катя в щёлку, видит: сидит там зверь, белый-белый, пушистый-пушистый, глаза розовые, уши длинные, прижался в угол, морковку дожёвывает.

Это кролик! Унесли его домой, на кухню. А потом сделали большую клетку. И он стал в ней жить.

А Катя его кормила морковкой, сеном, овсом и сухарями.

Медведь-рыбак

В прошлом году я всю зиму жил на Камчатке. А ведь это самый край нашей Родины. Там я и весну встречал. Интересно начинается камчатская весна, не по-нашему.

Как побегут ручьи, как вскроются камчатские речки, прилетает из Индии красный воробей-чечевица и везде поёт свою песню чистым, флейтовым свистом:

Чавычу видел?

Чавычу видел?

Чавычу видел?

А чавыча — это такая рыба лососёвой породы. И тут-то начинается самое интересное в камчатской весне.

В это самое время вся рыба из океана заходит в речки, в ручьи, чтобы в самых истоках, в проточной пресной воде метать икру.

Идёт рыба табунами, косяками, стаями; рыбы лезут, торопятся, толкаются, — видно, тяжело им: животы у них раздуты, полны икрой или молоками. Иногда они плывут так густо, что нижние по дну ползут, а верхних из воды выпирает.

Ох, как много идёт рыбы!

А говорят, в старину, когда на Камчатке было совсем мало людей, рыба шла ещё гуще. В старинных записях так и сказано, что весло в реках стояло и против течения шло «попом».

Все радуются, галдят. И тоже спрашивают друг друга:

Чавычу видел?

Чавычу видел?

Чавычу видел?

А она изредка проплывёт — эта чавыча — огромный, драгоценный лосось.

Плывёт она по дну среди мелкой рыбы — горбуши. Будто свинья с поросятами по двору проходит.

А через несколько дней вся эта рыба сваливается обратно, в солёную воду. Только уж не косяками, не табунами плывёт она, а вразброд, каждая по-своему. Кто — хвостом вперёд, а кого и по дну катит и выкатывает на берег, как гнилое полешко. Вся рыба еле живая, больная, «снулая». Выметала она икру и обессиленна.

И теперь уже по всей Камчатке другие рыбаки орудуют. Кто каркает, кто крикает, кто рычит, кто мяучит.

Дикие рыбаки рыбачат.

Пойду-ка, думаю, в лес, отдохну, да и посмотрю лесных рыбаков. Как-то они с делом справляются. И ушёл далеко-далеко от селения.

* * *

Хорошо весной в лесу! Берёзы распускают свои клейкие листья, стоят прозрачные, будто не деревья, а дымок зелёный. Среди них темнеют плотные ели и высокий можжевельник.

Воздух чистый, лёгкий, еловой смолой пахнет, молодым листом, прелой землёй.

И хор птичий... И флейта поёт, и трель рассыпается, и чеканье, и посвисты.

Солнце печёт всюду. А тень ещё холодная.

Я подошёл к берегу речки, притаился и сразу увидел рыбака.

Ай да мужик-богатырь! Ростом с воробья. Рыба его в тридцать раз больше.

Это голоногий куличик рыбачит. Вокруг рыбы бегают, суется, суется, клюёт. А рыбу из воды на берег выкинуло — дохлая.

Пищит кулик, ногами семенит.

Потом прилетели две вороны. Спугнули кулика, а сами рыбу не

трогают.

Видно, уже поели досыта. Как сели на отмель, так и заснули. Сидят, носатые, глаза закрыли. Налетели чайки с криком, с гамом. Стали потрошить эту рыбину. Одна голова осталась.

Наглоotalись чайки рыбьего мяса и дальше отправились. А вороны всё спят, не шевелятся.

Как удачно я выбрал место!

Тут у речки крутая излучина, и всё, что поверху плывёт, вода выкидывает на берег.

Пока я тут был, трёх рыб к берегу прибило течением.

Гляжу — с того берега по камням спускается лиса. Паршивая такая. Шерсть клочьями на боках висит — сбрасывает зимнюю шубу Лиса Патрикеевна.

Спустилась она к воде, воровато схватила ближнюю рыбу и спряталась с нею за камень.

Потом опять показалась, облизывается. И вторую рыбу утащила.

Вдруг лай, вой, визг поднялся: прибежали собаки деревенские да как бросятся с обрыва к воде, к лисице. Видно, учуяли её сверху. Лиса берегом, берегом наверх — и в лес. Собаки за ней.

Ну и я ушёл. Кого мне тут ждать?

Ни один зверь теперь не придёт сюда: собачьих следов испугается.

Снова я пошёл по ручьям и по речкам.

Видал, как другая лиса рыбу ела — смаковала. Выедала только спинки.

Ещё крохаля видал большого — с гуся. Он спал среди объедков. До отвалу наглоotalся рыбы.

А потом я прилёг и заснул незаметно. Разморило меня. Долго ли спал — не знаю. Только вижу сон: будто делаю я какую-то замечательную вещь, не то самолёт, не то молотилку, а может, и башню какую. По порядку видится сон: сначала работал я, потом устал и тоже лёг спать. Лёг и громко-громко захрапел.

И потом во сне соображаю:

«Да как же это так? Ведь я никогда не храплю. Не умею».

И тут у меня всё как-то спуталось. Уж я наполовину проснулся, а сон продолжаю видеть, что будто лежу и храплю.

Знаю, что это неправда. Сержусь даже.

Рассердился, проснулся, открыл глаза. Что за чудо? Храплю. Я даже испугался. Как так? Что такое?

Потом очнулся... Да нет, это не я храплю... И на храп совсем не похоже. Это кто-то рычит неподалёку, фыркает, плещется.

Поднял я голову. Смотрю — в речке медведь сидит. Здоровенный медведь — старик-камчадал. Вот тебе и сон с храпом!

А ружья у меня нет. Что делать? Убираться надо подобру-поздорову. Начал я осторожно-осторожно отползать от речки... И вдруг задел за какой-то камень. Камень этот покатился и в воду — плюх! Я так и замер. Лежу не дышу и глаза закрыл. Сейчас задерёт меня медведь. Вот выберется на берег, увидит — и конец.

Долго я лежал, пошелохнуться боялся. Потом слышу: будто всё ладно. Медведь порывкивает на старом месте, ворчит. Неужели он не слышал, как камень плюхнулся в воду?

Глухой он, что ли?

Я осмелел и выглянул из-за кустов. А потом присмотрелся немного и совсем страх забыл. Этот медведь тоже рыбу ловил. И до чего чудно!

Сидит Михайло Иванович по горло в воде, только голова сухая из воды торчит, как пень. Башка у него громадная, мохнатая, с мокрой бородой. Он её то на один бок наклонит, то на другой: рыбу высматривает.

А вода совсем прозрачная, мне медведя всего видно, как он там орудует лапами, и туловище медвежье вижу.

К туловищу шерсть прилипла, и тело у медведя кажется не по голове. Головастый он такой получается. Маленький и головастый.

Сидит этот медведь. И вдруг что-то лапами стал в воде хватать.

Вижу — достаёт рыбу-горбушу. Прикусил он горбушу и... сел на неё. Зачем это он, я думаю, на рыбу-то сел?

Сел и сидит в воде на рыбе. Да ещё и проверяет лапами: тут ли, под ним ли?

Вот плывёт мимо вторая рыба, и её медведь поймал. Прикусил и тоже на неё садится. А когда садился, так, конечно, привстал. И первую рыбу течением из-под него утащило. Мне-то сверху всё видно, как эта горбуша покатила по дну. А медведь как рывкнет! Потерялась рыба. Ах ты! Непонятно ему, бедняге, что такое с его запасом делается, куда он девается. Посидит, посидит, да и пощупает лапой под собой: тут ли

рыба, не убежала ли? А как схватит новую, опять я вижу: старая выкатилась из-под него и ищи-свищи!

Ведь на самом деле обида какая: теряется рыба, и всё тут!

Долго-долго сидел он на рыбе, ворчал, даже пропустил две рыбины, не решился ловить; я видел, как они проплыли мимо. Потом опять — р-раз! Подцепил лапой горбушу. И опять всё по-старому: нет прежней рыбы.

Я лежу на берегу, хочется мне посмеяться, а смеяться нельзя. Попробуй-ка посмейся! Тут тебя медведь со злости съест вместе с пуговицами.

Громадную сонную чавычу натащило на медведя. Сгрёб он её, кладёт под себя...

Ну, конечно, под ним пусто.

Тут медведь так обиделся, что и чавычу забыл, заревел во всю мочь, прямо как паровоз. Поднялся на дыбы, лапами бьёт по воде, воду сбивает в пену. Ревёт, захлёбывается.

Ну уж тут и я не вытерпел. Как прысну! Как захохочу! Услыхал меня медведь, увидал. Стоит в воде, как человек, на двух лапах, и на меня смотрит.

А мне до того смешно, что я уж ничего не боюсь — хохочу-заливаюсь, руками машу: уходи, мол, дурак, мочи больше нет! Уходи!

И на моё счастье, верно, так и вышло.

Рявкнул медведь, вылез из воды, отряхнулся и ушёл в лес.

А чавычу опять потащило течение.

Медвежонок

Охотники убили трёх медведиц и три выводка медвежат продали в зоопарк.

В зоопарке их всех посадили в одну клетку — бурых, рыжих, черноватых, неодинаковых и мастью и ростом — кто побольше, кто поменьше.

Самый маленький — самый умый. Сидит в углу, чешет животик, лапу сосёт и всё время ворчит.

А другие весёлые: борются, по клетке лазают, барахтаются, кричат, пыhtят — мохнатые, пузатые, большеголовые, косялапые медвежати.

Один хоть и всех перерос, а есть не умеет по-настоящему.

Его служительница соской кормит. В бутылку молока нальёт, тряпку в горлышко сунет и отдаст ему. Он бутылку облапит и сосёт. Никого к себе не подпускает, ворчит. Страшно так!

Другой, черноватый, с белым пятном-нагрудником, всё лазает, карабкается. Полез он по железным прутьям клетки к потолку. Прутья-то скользкие — два вершка пролезет, на вершок обратно съедет. Лез, лез, до половины добрался, а дальше — никак. Устал. Вовсю лапами работает, визжит со злости, хочется ему на потолок, а ничего не выходит — вниз съезжает.

Придумал. Вцепился зубами в железный прут и висит — лапы отдыхают.

Повисел, отдохнул и сразу до потолка добрался. Потом и по потолку полез, да сорвался, упал и завопил отчаянным голосом.

Прибежала служительница, взяла его на руки, укачивает, гладит.

Медвежишко успокоился, учуял в кармане конфету, достал и вместе с бумажкой давай её сосать, причмокивать.

Принесли медвежатам молочной каши. Все на корытце навалились, толкаются, прямо в кашу лезут, огрызаются, чавкают, чмокают, сопят.

Вдруг опять кто-то закричал.

Орёт во всё горло, надрывается.

А это тот самый сосун, который по-настоящему есть не умеет. Выбрался он из клетки, когда кашу давали, и полез по метле — у клетки метла стояла.

Полез мишка по метле и вместе с ней свалился. Об пол ушибся, да ещё и палка от метлы его по голове ударила.

Лежит, закрыл глаза и вопит. А метлу из лап не выпускает.

Дали ему опять соску.

Медвежата съели кашу. Так вывозились, что никакой масти не узнаешь — все в каше. Стали полосатые, пятнистые. Поели и снова давай играть.

Захотелось мне купить медвежонка, да нельзя: в зоопарке медвежат не продают.

Медвежата

Есть такая деревня, называется Малые Сосны. Малые не потому, что сосны в лесу невелики, а потому, что ближняя деревня зовётся Большие Сосны. В отличие, значит, от той.

В самом непроходимом лесу эти Малые Сосны. Дремучий кругом лес. Ели мхом обросли. Сосны в самом небе ветви раскинули. Осинник в сырых местах, как частокол, наставлен. И вся чаща в трухлявой валежине, в сырости. Не прoderёшься через неё. Только лосям длинноногим и ходить тут, через валежник перешагивать.

Принесли охотники после охоты из лесу двух медвежат. Принесли их в деревню, к Прасковье Ивановне в избу, сунули под лавку. Там и стали они жить.

Прасковья Ивановна сама им соски сделала. Взяла две бутылки, тёплого молочка налила и тряпочками заткнула.

Вот и лежат медвежата с бутылками. Спят, посасывают молоко, причмокивают и растут понемногу.

Сначала с тулупа не слезали, а потом и по избе стали ползать, ковылять, кататься — всё подальше да подальше.

Благополучно растут медвежата, ничего себе.

Только раз медвежонок один чуть не помер с перепугу — кур принесли в избу. Мороз был на дворе такой, что вороны на лету замерзали, — вот кур и принесли, чтоб от холода упрятать. А медвежишко выкатился из-под лавки на них посмотреть. Тут петух на него и наскочил. И давай трепать. Да как трепал! И крыльями бил, и клювом, и шпорами порол.

Медвежишко, бедняга, орёт, не знает, что ему и делать, как спастись. Лапами, как человек, глаза закрывает и орёт. Еле его спасли. Еле его от петуха отняли. На руки взяли, а петух кверху прыгает. Как собака какая. Ещё долбануть хочет.

Дня три после того не сходил с тулупа медвежишко. Думали, уж не подошли. Да ничего — сошло.

К весне подросли, окрепли медвежата.

А летом уж куда больше кошки стали — с маленькую собаку.

Такие озорники выросли. То горшок на столе опрокинут, то ухват спрячут, то из подушки перо выпустят. И под ногами всё вертятся, вертятся, мешают хозяйке Прасковье Ивановне.

Стала она их гнать из избы: играйте, мол, на улице. Озоруйте там сколько

влезет. На улице большой беды вам не натворить. А от собак лапами отмахнетесь или залезете куда повыше.

Живут медвежата целый день на воле. В лес бежать и не думают. Им Прасковья Ивановна стала как мать-медведица, а изба — берлогой. Если обидит или напугает их кто-нибудь, они сейчас в избу — и прямо к себе под лавку, на тулуп.

Хозяйка спрашивает:

— Вы что там, озорники, опять наделали?

А они молчат, конечно, — сказать не умеют, только друг за друга прячутся да глазами коричневыми хитро посматривают.

Шлёпнет их хорошенько Прасковья Ивановна, знает уж: что-нибудь да натворили. И верно.

Часа не пройдёт — стучатся в окно соседи, жалуются:

— Твои, Ивановна, звери всех цыпят у меня разогнали, по всей деревне собирай их теперь.

Или ещё:

— Овцы в хлев не идут, боятся. Это мишки твои овечек напугали.

Взмолится хозяйка:

— Да скоро ли их от меня кто возьмёт? Нету у меня с ними терпенья.

А в город не так-то легко выбраться. Ехать надо километров шестьдесят. Если весной ехать — распутица не пускает: не дороги, а реки грязевые. А летом работа держит — тоже не уедешь. Так и живут медвежата.

Пришёл я как-то в Малые Сосны охотиться. Сказали мне, что мишки тут есть. Я и пошёл их поглядеть. Спрашиваю хозяйку Прасковью Ивановну:

— Где твои медвежата?

— Да на воле, — говорит, — балуются.

Выхожу на двор, смотрю во все углы — нет никого.

И вдруг — ох ты! — у меня перед самым носом кирпич летит.

Бац! С крыши свалился.

Отскочил я, гляжу на крышу. Ага! Вон где они сидят! Сидят мишки, делом заняты, разбирают трубу по кирпичику — отвалят кирпич и спустят его по наклону, по тесовой крыше. Ползёт кирпич вниз и шуршит. А медвежата голову набок наклонят и слушают, как шуршит. Нравится им это. Один медвежонок даже язык высунул от такого удовольствия.

Я скорее в избу: спасай, мол, Прасковья Ивановна, трубу-то!

Прогнала она их с крыши и нашлёпала хорошенько.

А в тот же день вечером пришли к ней соседи и тоже жалуются: мишки у трёх домов трубы разобрали, да мало что разобрали, а ещё и в трубы

кирпичей навалили. Стали хозяйки днём печи топить, а дым не идёт куда надо, назад в избу валом валит.

Уж ничего не сказала Прасковья Ивановна, а только заплакала.

А как собрался я уходить с охоты, стала она меня просить.

— Сделай, — говорит, — милость, увези хулиганов моих. Сам видишь, каково мне с ними. Пока маленькие были — ребята как ребята. А теперь гляди, что выросло.

Взял я медвежат и повёл в город. Километра два на верёвочке вёл, а до леса дошёл — снял верёвочку. Они леса-то сами боятся, жмутся ко мне, отстать не хотят.

Лес им чужой, страшный.

Так двое суток мы с ними шли. Дошли до города. Тут я их опять на верёвочке повёл.

Собак сколько набежало, ребятишек, да и взрослые тоже останавливаются, смотрят.

Отдал я моих малососненских хулиганов в зоосад, а оттуда их прямо за границу отправили. Обменяли на зебру полосатую — африканскую лошадь.

На нашем дворе

Собака

У Шарика шуба густая, тёплая, — он всю зиму по морозу бегают. И дом у него без печки — просто собачья будка, а там соломка постелена, и ему не холодно. Шарик лает, колхозное добро стережёт, злых людей да воров во двор не пускает, — за это все его любят да сытно кормят.

Кошка

Это кошка Маруська. Она в чулане мышь поймала, за это её хозяйка молочком накормила. Сидит Маруська на коврике, сытая, довольная. Песенки поёт-мурлычет, а её котёночек маленький — ему мурлыкать неинтересно. Он сам с собой играет — сам себя за хвост ловит, на всех фыркает, пыжится, топорщится.

Кролик

Это крольчиха. У неё два крольчонка, — они такие же, как и мать, только маленькие. Уши длинные, хвостики короткие, глазки круглые, и так же, как мать, траву едят. Все в мать удались. Жуёт крольчонок травинку, вся

мордочка так ходуном и ходит, носик из стороны в сторону ворочается, а травинка в рот залезает и залезает. Кончилась травинка — крольчонок другую откусит и снова жуёт. Принесу-ка я им морковку, да капустный лист, да корочку хлебца, — пускай жуют.

Свинья

Вот Хавронья-красавица — вся мазана-перемазана, в грязи вывалялась, в луже выкупалась, все бока и рыло с пяточком в грязи.

— Поди, Хавроньюшка, в речке ополоснись, грязь отмой. А то в свинарник беги, там тебя и вымоют и вычистят, будешь как огурчик, чистенькая.

— Хрю-хрю, — говорит.

— Не хочу, — говорит.

— Мне здесь приятней!

Утка

Утка на пруду ныряет, купается, свои пёрышки клювом перебирает. Пёрышко к пёрышку укладывает, чтобы ровно лежали. Пригладится, почистится, в воду, как в зеркальце, глянет — вот до чего хороша! И закрикает:

— Кря-кря-кря-кря!

Верблюд

Ходил верблюд по степи. Таскал на горбах тяжёлые вьюки. Очень устал, даже похудел; наконец, привели его домой на отдых. Вот он лежит в хлеву, ноги под себя подогнул. Сено, солому жуёт. Ты только смотри его не дразни, а то он рассердится и в тебя плюнет.

Осёл

Привязали ослика в репейник. Репей для осла — самая вкусная еда. Он около себя весь репей объел, а до самых вкусных не дотянется: верёвка коротка. Как заорёт осёл:

— И-а! И-а! И-а!

Голос противный, громкий. За пять километров слышно.

Иди скорей, хозяин, перевяжи своего осла на другое место. На необъеденное.

Корова

Стоит Пеструха на зелёном лугу, траву жуёт-пережёвывает. Рога у

Пеструхи крутые, бока толстые и вымя с молочком. Она хвостом помахивает: мух да слепней отгоняет.

— А что тебе, Пеструха, вкуснее жевать — простую зелёную траву или разные цветочки? Может быть, ромашку, может, синий василёк, или мышинный горошек, или незабудку, или гвоздичку, а может, колокольчик, а может, иван-да-марью? Поешь, поешь, Пеструха, повкуснее — молочко у тебя будет слаще. Придёт доярка тебя доить — надоит полное ведро вкусного, сладкого молока.

Лошадь

Это конь молодой по лугам бегают, звонко ржёт, копытами землю бьёт. Никто его ещё не осёдлывал, в телегу не запрягал. Растёт он в колхозе, сил набирается.

Коза

Идёт коза по улице, домой торопится. Дома её хозяйка покормит и напоит. А если хозяйка замешкается, коза сама себе что-нибудь стащит. В сенях веник погложет, на кухне хлебца ухватит, в огороде рассады съест, в саду кору с яблони сдерёт. Вот какая вороватая, озорная! А молочко у козы вкусное, пожалуй, ещё вкуснее коровьего.

Баран

Ух какой круторогий да мягкий! Это хороший баран, не простой. У этого барана шерсть густая, волос тонкий-тонкий; из его шерсти рукавицы вязать хорошо, фуфайки, чулки, носки, всю одежду можно соткать и валенки свалить. И всё будет тёплое-претёплое. А таких баранов в колхозе целое стадо.

Гусь

А гусь уже выкупался. Пошёл на лужок пастись.

— Тега, тега, белый гусь,

Ты цветочков не мни,

Ты травку не рви,

Иди ко мне.

Я тебе хлебца накрошу,

Зёрнышек насыплю,

Только ты не щиплись!

Индюк

По двору индюк ходит, надулся, как шар, и на всех сердится. Крыльями по земле бороздит и хвост широко развернул. А ребята шли мимо и давай его дразнить:

— Эй, индя, индя, покажись!

Индя, по двору пройдись!

Он ещё больше надулся да как забормочет:

— А-бу-бу-бу-бу-бу!

Вот какой болтун-бормотун!

Курочка

Ходила курочка с цыплятами по двору. Вдруг пошёл дождик. Курочка скорей на землю присела, все пёрышки растопырила и заклохоталась: «Квох-квох-квох-квох!» Это значит: прячьтесь скорей. И все цыплята залезли к ней под крылышки, зарылись в её тёплые пёрышки. Кто совсем спрятался, у кого только ножки видны, у кого головка торчит, а у кого только глаз выглядывает.

А два цыплёнка не послушались своей мамы и не спрятались. Стоят, пищат и удивляются: что это такое им на головку капает?

Перепёлка

У нас в клетке жила ручная перепёлка. Такая маленькая дикая курочка. Вся коричневая, в светлых полосках. И на горле у неё нагрудничек из пёрышек, будто ребячий слюнявник.

Перепёлочка ходит по клетке и тихонько насвистывает - вот так:

— Тюрр-тюрр! тюрр-тюрр!

А то ляжет на бочок и купается в песке, как настоящая курица, чистит пёрышки, крыльями похлопывает. Мы ей покажем червячка, она подойдёт и клюнет из рук.

Мы её даже на руки брали, как игрушку.

Сидит она на ладошке и не улетает. Совсем ручная.

Но самое удивительное вот что. Как только зажжём мы вечером электричество, перепёлочка сразу начинает высвистывать - кричать:

— Фить-пирю! Фить-пирю!

— Что такое она говорит? - спрашивает Никита.

— Это она тебя спать укладывает. Слышишь, кричит: «Спать пора! Спать пора!»

Прислушался Никита - вправду похоже:

— Фить-пирю! Спать пора! Фить-пирю! Спать пора!

А Никите и в самом деле спать пора. Но только уложить его трудно.

— Рано ещё! - говорит Никита.

Перепёлка опять:

— Спать пора!

— Да не хочу я!

— Спать пора!

— Ну, да я ещё немножко поиграю!

Тут как раскричится перепёлка, что терпеть больше нельзя:

— Спать пора! Спать пора! Спать пора!

— Да уж умываюсь!

— Спать пора! Спать пора!

— Да я уж штанишки снимаю!

— Спать пора! Спать пора!

— Да что ты кричишь, глупая? Ведь я уже лёг.

Потушат свет в доме - тут и перепёлка замолчит, и Никита уснёт.

Так у нас повелось.

Стала перепёлка укладывать Никиту спать.

Чуть засвистит она своё «фить-пирю», Никита зевать начинает. Позевывает, а потом умоется, разделенется и ложится спать.

Правда, перепёлочка не только по вечерам, но и в другое время кричала «спать пора», но я сразу же накину на клетку какое-нибудь полотенце или платок, она и замолчит.

В темноте перепёлки кричать не любят.

Летом мы переехали жить на дачу.

В саду устроили перепёлочке большую клетку-загородку. Посадили её туда и ушли в поле собирать цветы на новоселье. А в клетке оказалась щель - перепёлка-то и убежала. Пришли мы обратно, а её нет.

Вот жалко-то нам было!

Стали мы её искать. Целый день ищем, целый вечер. В траве роемся, кусты раздвигает. Нет и нет нашей перепёлочки.

Устали мы, из сил выбились. Никите давно спать пора.

— Как же я спать буду? - плачет он. - Никто меня не укладывает.

И вот взошла луна. Яркая-яркая, всё кругом осветила: и траву, и дорогу.

Вдруг мы слышим из куста, что у самой дороги:

— Фить-пирю! Фить-пирю!

— Она! - говорит Никита.

А перепёлка ещё громче:

— Фить-пирю! Спать пора!

Мы в кусты - и сразу поймали нашу перепёлку.

Она была вся холодная, мокрая от росы. Вернулись мы с ней домой, заделали крепко щёлку в клетке и посадили перепёлку туда обратно. А Никита пошёл спать.

Про зайчат

Однажды на даче ко мне прибежал Никита и кричит:

— Папа, отдай кроликов! Папа, отдай кроликов!

А я не понимаю, каких кроликов ему отдать. И отдавать я никого не собираюсь, и кроликов у меня нет.

— Да что ты, Никитушка, — говорю, — что с тобой?

А Никита прямо плачет: отдай да отдай ему кроликов.

Тут пришла мама и всё мне рассказала. Оказывается, деревенские ребята принесли с лугов двух зайчат: они их на сенокосе поймали. А Никита всё перепутал. Надо было сказать: «Возьми зайчат», а он говорит: «Отдай кроликов».

Взяли мы зайчат, стали они у нас жить.

Ну и славные были зайчата! Эдакие мохнатые шарики! Уши врозь, глаза коричневые, большие. А лапки мягкие-мягкие — будто зайчата в валеночках ходят.

Захотели мы зайчат покормить. Дали им травы — не едят. Налили молока в блюдце — и молоко не пьют... Сыты, что ли?

А спустили их на пол — они шагу никому не дают ступить. Прямо наскакивают на ноги. Тычутся мордочками в сапоги и лижут их... Должно быть, ищут мать-зайчиху.

Видно, голодные, а есть не умеют. Сосунки ещё.

Тут в комнату пришёл Томка, наш пёс. Тоже захотел посмотреть на зайчат. Они, бедняжки, на Томку наскочили, лезут на него... Томка зарычал, огрызнулся и убежал.

Как же нам накормить зайчат? Ведь они, бедняги, умрут с голоду.

Думали мы, думали, и придумали, наконец. Пошли мы искать им кормилицу-кошку.

Кошка лежала на лавке у соседнего дома, кормила своих котят. Она такая пёстрая, расписная, даже нос у неё разноцветный.

Притащили мы кошку к зайчатам, она как зафыркает на них, как заворчит

басом, чуть не воет. Да ну её!

Пошли мы другую кормилицу искать.

Видим, на завалинке лежит кошка, вся чёрная, с белой лапой. Мурлычет кошка, нежится на солнышке... А как взяли да подложили к ней зайчат, она сразу же все когти выпустила и оцетинилась. Тоже не годится в кормилицы! Отнесли мы её обратно.

Стали третью кошку искать.

Уж в самом конце деревни нашли. На вид такая хорошая, ласковая. Только эта ласковая-то чуть-чуть наших зайчат не съела. Как увидела их, вырвалась из рук да как бросится на зайчат, как на мышей.

Насилу мы её оттащили и за дверь выбросили.

Наверное, наши зайчата так и умерли бы с голоду, если бы, на наше счастье, не нашлась ещё одна кошка — четвёртая. Она сама к нам пришла. А пришла потому, что котят искала. У неё котята умерли, и она по всей деревне ходила и искала их... Рыженькая такая, худая; мы накормили её, напоили и уложили на подоконник и принесли к ней зайчат. Сперва одного зайчонка, потом и другого.

Сунулись к ней зайчата и сразу присосались, даже зачмокали — нашли молоко!

А кошка сначала задёргалась, забеспокоилась, а потом вылизывать их стала — и даже песенку замурлыкала.

Значит, всё в порядке.

Много дней кормила кошка зайчат.

Лежит с ними на подоконнике, а народ останавливается у окошка, смотрит:

— Вот так чудо, кошка зайцев кормит!

Потом зайчата подросли, научились сами есть траву и убежали в лес. Им там вольнее жить.

А кошка завела себе настоящих котят.

Рябчонок

Я давно приметил в лесу одну полянку с рыжиками. Они там в траве рассыпаны, как жёлтенькие пуговицы. Такие маленькие, что в горлышко бутылки пролезают. Их очень хорошо солить.

Взяли мы по корзинке — я большую, а Никитка маленькую — и отправились в лес.

И Томка с нами побежал.

Мы ещё и до полянки с рыжиками не дошли, как Томка закрутился, завертелся на одном месте около ёлки, — принюхиваться стал. И вдруг совсем близко от нас кто-то громко захлопал крыльями.

Посмотрели мы за куст, а там ходит какая-то удивительная курочка, ходит и на нас глядит. Пёстренькая такая, мохнатые лапки, а на голове чёрный хохолок — то поднимется колпачком, то ляжет.

— Это кто? — спрашивает Никита.

— Тише, тише, — говорю я ему, — не пугай, это рябчиха.

Вдруг курочка поползла по земле, как мышь, потом встала столбиком, шею вытянула и ещё громче захлопала крыльями. Похлопала, похлопала, взъерошилась вся, будто больная, и поскакала куда-то вбок.

— Вот так представление! Чего это она так? — спрашивает Никита.

— Это она хитрит, — говорю, — нашего Томку от цыплят отводит.

А Томка как увидал рябчиху, так сразу и кинулся за ней.

Рябчиха прихрамывает, подлётывает, еле бежит, будто она совсем больная. Притворяется.

А Томка и рад: визжит, лает, вот-вот догонит рябчиху, вот-вот за хвост её схватит! Глупый Томка.

Увела его рябчиха далеко-далеко и потом, видно, села на дерево. Слышим: Томка лает на одном месте.

Тут я говорю:

— Давай-ка, Никитушка, поищем с тобою цыплят. Рябчиха отсюда Томку нарочно увела — значит, рябчата где-то тут затаились.

Приподняли мы с земли прелую еловую ветку, видим: какой-то гриб-поганка торчит на тонкой ножке. А под поганкой рябчонок сидит. Спрятался и глаза закрыл.

Я цап его рукой — и поймал. Готово! Попался, маленький!

А, вот он какой! Совсем как настоящий цыплёнок. Только поменьше, да весь полосатый и пятнистый. Это для того, чтобы легче было прятаться.

Ещё пуховый, а на крылышках перья — значит, уже летает.

Я и Никите дал подержать рябчонка.

— Что же будем с ним делать? — спрашиваю. — Унесём домой или оставим рябчихе? Пожалуй, он умрёт у нас дома без матери.

— Отдадим рябчихе, — говорит Никита.

Так мы и сделали.

Я разжал руку. А рябчонок сидит у меня на ладони и не двигается, боится очень.

Тут я немножко его подтолкнул, и он полетел.

Пролетел шагов пять, сел на землю да и с глаз пропал — то ли в яму сунулся, то ли под какой-нибудь листочек залез или просто прижался к земле.

Ну и ловко прячутся эти рябчата!

Мы набрали с Никиткой полные корзинки рыжиков и пришли домой.

А Томка в лесу остался. Его, глупого, рябчиха ещё долго-долго обманывала, от дерева к дереву водила.

Верный Трой

Сговорились мы с приятелем побегать на лыжах. Зашёл я за ним утром. Он в большом доме живёт — на улице Пестеля.

Вошёл я во двор. А он увидел меня из окна и машет рукой с четвёртого этажа. — Жди, мол, сейчас выйду.

Вот я и жду на дворе, у двери. Вдруг сверху кто-то как загремит по лестнице.

Стук! Гром! Тра-та-та-та-та-та-та-та-та! Деревянное что-то стучит-трещит по ступенькам, как трещотка какая.

«Неужели, — думаю, — это приятель мой с лыжами да с палками свалился, ступеньки пересчитывает?»

Я поближе к двери подошёл. Что же там по лестнице катится? Жду.

И вот смотрю: выезжает из дверей пятнистая собака — бульдог. Бульдог на колёсиках.

Туловище у него прибинтовано к игрушечному автомобильчику — грузовичок такой, «газик».

А передними лапами бульдог по земле ступает — бежит и сам себя катит.

Морда курносая, морщинистая. Лапы толстые, широко расставленные. Выехал он из дверей, посмотрел сердито по сторонам. А тут рыжая кошка двор переходила. Как бросится за кошкой бульдог — только колёса подпрыгивают на камнях да ледяшках. Загнал кошку в подвальное окно, а сам ездит по двору — углы обнюхивает.

Тут я вытащил карандаш и записную книжку, уселся на ступеньке и давай его рисовать.

Вышел мой приятель с лыжами, увидел, что я собаку рисую, и говорит:

— Рисуй его, рисуй, — это не простой пёс. Он из-за храбрости своей калекой стал.

— Как так? — спрашиваю.

Погладил мой приятель бульдога по складкам на загривке, конфету ему в зубы дал и говорит мне:

— Пойдём, я тебе по дороге всю историю расскажу. Замечательная история, ты прямо и не поверишь.

— Так вот, — сказал приятель, когда мы вышли за ворота, — слушай.

Зовут его Трой. По-нашему это значит — верный.

И правильно его так называли.

Ушли мы как-то раз все на службу. У нас в квартире все служат: один учителем в школе, другой на почте телеграфистом, жёны тоже служат, а дети учатся. Ну вот, ушли мы все, а Трой один остался — квартиру сторожить.

Выследил какой-то вор-ворище, что пустая у нас осталась квартира, вывернул замок из двери и давай у нас хозяйничать.

У него с собой мешок был громадный. Хватает он всё, что попало, и суёт в мешок, хватает и суёт. Ружьё моё в мешок попало, сапоги новые, учительские часы, бинокль Цейса, валенки ребячьи.

Штук шесть пиджаков, да френчей, да курток всяких он на себя натянул: в мешке уже места, видно, не было.

А Трой лежит у печки, молчит — вор его не видит.

Такая уж у Троя привычка: впустить он кого угодно впустит, а вот выпустить — так нет.

Ну вот, обобрал вор всех нас дочиста. Самое дорогое, самое лучшее взял. Уходить ему пора. Сунулся он к двери...

А в дверях Трой стоит.

Стоит и молчит.

А морда у Троя — видал какая?

А грудища-то!

Стоит Трой, насупился, глаза кровью налились, и клык изо рта торчит.

Вор так и прирос к полу. Попробуй уйди!

А Трой ощерился, избочился и боком стал наступать.

Тихонько подступает. Он всегда так врага запугивает — собаку ли, человека ли.

Ворюга, видно, от страха, совсем обалдел, метаться начал без толку, а Трой на спину ему прыгнул и все шесть пиджаков на нём разом прокусил.

Ты знаешь, как бульдоги мёртвой хваткой хватают?

Глаза закроют, челюсти захлопнут, как на замок, да так и не разожмут зубов, хоть убей их тут.

Мечется вор, об стены спиной трётся. Цветы в горшках, вазочки, книги с полок сбрасывает. Ничего не помогает. Висит на нём Трой, как гиря какая.

Ну, догадался наконец вор, вывернулся он как-то из своих шести пиджаков и весь этот куль вместе с бульдогом раз за окно!

Это с четвёртого-то этажа!

Полетел бульдог головой вниз во двор.

Хлоп!

Жижа в стороны брызнула, картошка гнилая, головы селёдочные, дрянь всякая.

Угодил Трой со всеми нашими пиджаками прямо в помойную яму. До краёв была завалена в этот день наша помойка.

Ведь вот какое счастье! Если бы о камни он брякнулся — все бы косточки переломал и не пикнул бы. Сразу бы ему смерть.

А тут будто кто ему нарочно помойку подставил — всё же помягче падать.

Вынырнул Трой из помойки, выкарабкался — будто целый совсем. И подумай только, успел он ещё вора на лестнице перехватить.

Опять в него вцепился, в ногу на этот раз.

Тут сам вор себя выдал, заорал, завыл.

Сбежались на вой жильцы со всех квартир, и с третьего, и с пятого, и с шестого этажа, со всей чёрной лестницы.

А вор только кричит не своим голосом:

— Собаку держите. О-о-ой! Сам в милицию пойду. Оторвите только чёрта окаянного.

Легко сказать — оторвите.

Два человека тянули бульдога, а он только хвостиком-обрубком помахивал и ещё сильнее челюсти зажимал.

Принесли жильцы из первого этажа кочергу, просунули Трою между зубов. Только таким манером и разжали ему челюсти.

Вышел вор на улицу — бледный, всклокоченный. Трясётся весь, за милиционера держится.

— Ну и собачка, — говорит. — Ну и собачка!

Увели вора в милицию. Там он и рассказал, как дело было.

Прихожу я вечером со службы. Вижу, в дверях замок выворочен. В квартире мешок с добром нашим валяется.

А в уголке, на своём месте, Трой лежит. Весь грязный, вонючий.

Позвал я Троя.

А он и подойти не может. Ползёт, повизгивает.

У него задние ноги отнялись.

Ну, теперь вот мы всей квартирой по очереди его гулять выводим. Я ему колёсики приспособил. Он сам скатывается на колёсиках по лестнице, а назад взобраться уж не может. Надо приподнимать кому-нибудь автомобильчик сзади. Передними-то лапами Трой сам переступает.

Так сейчас и живёт пёс на колёсиках.

Кот Епифан

Хорошо и привольно на Волге-реке!

Посмотри, ширина-то какая! Другой берег еле видно! Блестит эта живая, текучая вода. И всё небо в эту воду смотрится: и облака, и голубая лазурь, и кулички, что, пересвистываясь, перелетают кучкой с песка на песок, и стаи гусей и уток, и самолёт, на котором человек куда-то летит по своим делам, и белые пароходы с чёрным дымом, и баржи, и берега, и радуга на небе.

Посмотришь на это текучее море, посмотришь на облака ходячие, и кажется тебе, что и берега тоже куда-то идут — тоже ходят и двигаются, как и всё кругом.

Вот там, на Волге, в землянке, на самом волжском берегу — в крутом обрыве, живёт сторож-бакенщик. Посмотришь с реки — увидишь только окно да дверь. Посмотришь с берега — одна железная труба торчит из травы. Весь дом у него в земле, как звериная нора.

По Волге день и ночь плывут пароходы. Пыхтят буксиры, дымят, тянут на канатах за собой баржи-беляны, везут разные грузы или тащат длинные плоты.

Медленно поднимаются они против течения, шлёпают по воде колёсами. Вот идёт такой пароход, везёт яблоки — и запахнет сладким яблоком на всю Волгу. Или рыбой запахнет, — значит, везут воблю из Астрахани.

Бегут почтово-пассажирские пароходы, одноэтажные и двухэтажные. Эти плывут сами по себе. Но быстрее всех проходят двухэтажные скорые пароходы с голубой лентой на трубе. Они останавливаются только у больших пристаней, и после них высокие волны расходятся по воде, раскатываются по песку.

Старый бакенщик около мелей и перекатов расставляет по реке красные и белые бакены. Это такие плавучие плетёные корзины с фонарём наверху. Бакены показывают верную дорогу. Ночью старик ездит на лодке, зажигает на бакенах фонари, а утром тушит. А в другое время старик бакенщик рыбачит. Он завзятый рыбак.

Однажды старик рыбачил весь день. Наловил себе рыбы на уху: лещей, да подлещиков, да ершей. И приехал обратно. Открыл он дверь в землянку и смотрит: вот так штука! К нему, оказывается, гость пришёл! На столе рядом с горшком картофеля сидит весь белый-белый пушистый кот.

Гость увидал хозяина, выгнул спину и стал тереться боком о горшок. Весь свой белый бок испачкал в саже.

— Ты откуда пришёл, из каких местностей?

А кот мурлычет и глаза щурит и ещё больше себе бок пачкает, натирает сажей. И глаза у него разные. Один глаз совсем голубой, а другой совсем жёлтый.

— Ну, угощайся, — сказал бакенщик и дал коту ерша.

Кот схватил в когти рыбку, поурчал немного и съел её. Съел и облизывается, — видно, ещё хочет.

И кот съел ещё четыре рыбки. А потом прыгнул на сенник к старику и задремал. Развалился на сеннике, мурлычет, то одну лапу вытянет, то другую, то на одной лапе выпустит когти, то на другой. И так ему, видно, тут понравилось, что он остался совсем жить у старика.

А старик бакенщик и рад. Вдвоём куда веселее. Так и стали они жить.

Бакенщику не с кем было раньше поговорить, а теперь он стал разговаривать с котом, назвал его Епифаном. Не с кем было раньше рыбу ловить, а теперь кот стал с ним на лодке ездить. Сидит в лодке на корме и будто правит.

Вечером старик говорит:

— Ну, как, Епифанушка, не пора ли нам бакены зажигать, — ведь, пожалуй, скоро темно будет? Не зажжём бакены — сядут наши пароходы на мель.

А кот будто и знает, что такое бакены зажигать. Ни слова не говоря, идёт он к реке, залезает в лодку и ждёт старика, когда тот придёт с вёслами да с керосином для фонарей.

Съезжают они, зажгут фонари на бакенах — и обратно.

И рыбачат они вместе. Удит старик рыбу, а Епифан сидит рядом.

Поймалась маленькая рыбка — её коту. Поймалась большая — старику на уху. Так уж и повелось.

Вместе служат, вместе и рыбачат.

Вот однажды сидел бакенщик со своим котом Епифаном на берегу и удил рыбу. И вот сильно клюнула какая-то рыба. Выдернул её старик из воды, смотрит: да это жадный ершишка заглотил червяка. Ростом с мизинец, а дёргает, как большая щука. Старик снял его с крючка и протянул коту.

— На, — говорит, — Епифаша, пожуй немножко.

А Епифаши-то и нет.

Что такое, куда девался?

Потом видит старик, что его кот ушёл далеко-далеко по берегу, белеется на плотах.

«С чего это он туда пошёл, — подумал старик, — и что он там делает? Пойду взгляну».

Смотрит, а его кот Епифан сам рыбу ловит. Лежит пластом на бревне, опустил лапу в воду, не шевелится, даже не моргает. А когда рыбёшки выплыли стайкой из под бревна, он — раз! — и подцепил когтями одну рыбку.

Очень удивился старик бакенщик.

— Вот ты какой у меня ловкач, — говорит, — ай да Епифан, ай да рыбак! А ну, поймай-ка мне, — говорит, — стерлядку на уху, да пожирнее.

А кот на него и не глядит.

Рыбу съел, перешёл на другое место, снова лёг с бревна рыбу удить.

С тех пор так они и ловят рыбу: врозь — и каждый по-своему.

Рыбак снастями да удочкой с крючком, а кот Епифан лапой с когтями.

А бакены вместе зажигают.

Друзья

Однажды лесник расчищал в лесу просеку и высмотрел лисью нору.

Он раскопал нору и нашёл там одного маленького лисёнка. Видно, лисица-мать успела остальных перетащить в другое место.

А у этого лесника уже жил дома щенок. Гончей породы. Тоже ещё совсем маленький. Щенку было от роду один месяц.

Вот и стали лисёнок и щенок расти вместе. И спят они рядышком, и играют вместе.

Очень занятно они играли! Лисёнок лазал и прыгал, как настоящая кошка. Прыгнет на лавку, а с лавки на стол, хвост задерёт трубой кверху и смотрит вниз.

А щенок ползет на лавку — хлоп! — и упадёт. Лает, бегает вокруг стола целый час. А потом лисёнок спрыгнет вниз, и оба лягут спать.

Поспят-поспят, отдохнут и снова начнут гоняться друг за другом. Щенка звали Огарок, потому что он был весь рыжий, будто огонь. А лисёнка лесник назвал Васькой, как кота: он лаял тоненьким голоском — будто мяукал.

Всё лето щенок и лисёнок прожили вместе, и к осени оба выросли. Щенок стал заправским гончаром, а лисёнок оделся в густую шубу. Лесник посадил лисёнка на цепь, чтобы он не убежал в лес. «Подержу, — думает, — его на цепи до середины зимы, а потом продам его в город на шкурку».

Ему жалко было самому стрелять лису, уж очень она была ласковая. А с гончим Огарком лесник ходил на охоту и стрелял зайцев.

Вот однажды вышел лесник утром покормить лису. Глядит, а у лисьей будки одна цепь и рваный ошейник. Убежала лиса.

«Ну, — подумал лесник, — теперь мне не жалко тебя застрелить. Видно,

не бывать тебе ручным зверем. Дикарь ты, дикарь. Найду в лесу и застрелю как дикую».

Вызвал он своего Огарка, снял с полки ружьё.

— Ищи, — говорит, — Огарко. Ищи своего приятеля. — И показал следы на снегу.

Огарок залаял и побежал по следу. Гонит, лает — по следу идёт. И ушёл он далеко-далеко в лес, еле его слышно.

Вот он и совсем замолк.

А вот снова сюда идёт — лай всё ближе, ближе.

Лесник спрятался за ёлку на опушке, взвёл курки на ружье.

И вот видит: выбежали из лесу разом двое. Лиса и собака. Собака лает и повизгивает. И бегут они по белому снегу рядышком. Как настоящие приятели — плечо к плечу. Вместе кочки перескакивают, друг на друга смотрят и будто улыбаются. Ну как тут стрелять. Ведь собаку убьёшь!

Увидали звери лесника, подбежали. Васька прыгнул к нему на плечи, а пёс встал на задние лапы, упёрся в грудь хозяину и хамкает и ловит шутя лисий хвост.

— Эй, вы, чертенята! — сказал лесник. Спустил курки на ружье и вернулся домой.

И так жила лиса у него в избе всю зиму — не на цепи, а просто так.

А весной стала уходить в лес — мышей ловить.

Ловила-ловила да и осталась в лесу совсем.

А гончий Огарок с тех пор не гонит лисиц. Видно, все лисицы ему стали друзья.

Волчишко

Жил в лесу волчишко с матерью.

Вот как-то раз ушла мать на охоту.

А волчишку поймал человек, сунул его в мешок и принёс в город. Посреди комнаты мешок положил.

Долго не шевелился мешок. Потом забарахтался в нём волчишко и вылез. В одну сторону посмотрел — испугался: человек сидит, на него смотрит. В другую сторону посмотрел — чёрный кот фыркает, пыжится, самого себя вдвое толще, еле стоит. А рядом пёс зубы скалит.

Совсем забоялся волчишко. Полез в мешок обратно, да не влезть — лежит пустой мешок на полу, как тряпка.

А кот пыжился, пыжился да как зашипит! Прыгнул на стол, блюдце

свалил. Разбилось блюдо.

Пёс залаял.

Человек закричал громко: «Ха! Ха! Ха! Ха!»

Забился волчишко под кресло и там стал жить-дрожать.

Кресло посреди комнаты стоит.

Кот со спинки кресла вниз посматривает.

Пёс вокруг кресла бегаёт.

Человек в кресле сидит — дымит.

А волчишко еле жив под креслом.

Ночью человек уснул, и пёс уснул, и кот зажмурился.

Коты — они не спят, а только дремлют.

Вылез волчишко осмотреться.

Походил, походил, понюхал, а потом сел и завыл.

Пёс залаял.

Кот на стол прыгнул.

Человек на кровати сел. Замахал руками, закричал. А волчишко опять под кресло залез. Стал тихонечко там жить.

Утром ушёл человек. Молока налил в плошку. Стали кот с собакой молоко лакать.

Вылез из-под кресла волчишко, подполз к двери, а дверь-то открыта!

Из двери на лестницу, с лестницы на улицу, с улицы по мосту, с моста в огород, из огорода в поле.

А за полем стоит лес.

А в лесу мать-волчиха.

Обнюхались, обрадовались и дальше побежали по лесу.

А теперь волчишко вот каким стал волком.

Как Томка не показался глупым

Томка не любит, когда над ним смеются, — обидится, отвернётся.

А потом он научился делать вид, что не над ним смеются, а над кем-то другим.

Как-то заметил Томка курочку с цыплятами. Идёт поближе — хочет понюхать.

А курочка как закричит, как прыгнет на Томку — и поехала на нём.

Едет, клюёт Томку и кричит.

Так и слышно, как она выговаривает:

«Ах ты, такой-сякой, невоспитанный! Вот я тебя! Вот я тебя! Не смей к

цыплятам подходить!»

Томка обиделся, но не захотел показаться смешным и сразу сделал вид, что никто его не клюёт, никто на него не кричит. И тогда курочка соскочила с него и вернулась к цыплятам.

Воробей

Пошёл Никита с папой гулять. Гулял он, гулял и вдруг слышит - кто-то чирикает:

— Чилик-чилик! Чилик-чилик! Чилик-чилик!

И видит Никита, что это маленький воробушек прыгает по дороге. Нахохлённый такой, прямо как шарик катится. Хвостик у него коротенький, клюв жёлтый, и никуда он не улетает. Видно, ещё не умеет.

— Смотри-ка, папа, - закричал Никита, - воробей не настоящий!

А папа говорит:

— Нет, это настоящий воробей, да только маленький. Это, наверно, птенчик выпал из своего гнезда.

Тут побежал Никита ловить воробья и поймал.

И стал этот воробушек жить у нас дома в клетке, а Никита кормил его мухами, червяками и булкой с молоком.

Вот живёт воробей у Никиты. Всё время кричит - есть просит. Ну и обжора какой! Чуть утром солнце покажется, - он зачирикает и всех разбудит.

Тогда Никита сказал:

— Я научу его летать и выпущу.

Достал воробья из клетки, посадил на пол и стал учить.

— Ты крыльями вот так маши, - сказал Никита и показал руками, как надо летать.

А воробей ускакал под комод.

Покормили воробья ещё денёк. Опять его посадил Никита на пол учить летать.

Никита замахал руками, и воробей замахал крыльями. Полетел воробей!

Вот он через карандаш перелетел.

Вот через красный пожарный автомобиль перелетел. А как стал через неживую кошку-игрушку перелетать, наткнулся на неё и упал.

— Плохо ты ещё летаешь, - говорит ему Никита. - Давай-ка я тебя ещё денёк покормлю.

Покормил, покормил, а назавтра воробушек через Никитину скамейку перелетел.

Через стул перелетел.
Через стол с кувшином перелетел.
Вот только через комод не мог перелететь - свалился.
Видно, надо его ещё кормить.
На другой день Никита взял воробья с собой в сад, да там и выпустил.
Воробей через кирпич перелетел.
Через пенёк перелетел.
И стал уж через забор перелетать, да об него стукнулся и повалился.
А на следующий день он и через забор перелетел.
И через дерево перелетел.
И через дом перелетел.
И совсем от Никиты улетел.
Вот как здорово научился летать!

Послушать произведение Е. Чарушина

Про больших и маленьких можно на сайте

<https://audioknigi.club/charushin-evgeniy-pro-bolshih-i-malenkih>

Скачать 14 книг Е. Чарушина можно здесь -

http://booksafe.net/author/charushin_evgeniy-661.html